

в исторической перспективе, то для Тургенева религиозный фактор не играл главенствующей роли. Для автора «Отцов и детей» важнейшими были культурно-исторические предпосылки формирования русской народной жизни, главной из которых писатель считал русский язык. Восторгаясь в письме к гр. Е. Е. Ламберт от 12/24 декабря 1859 г. красотой, гибкостью, свободой русского языка, Тургенев с удивлением замечает: «Странное дело! Этих четырех качеств – честности, простоты, свободы и силы нет в народе – а в языке они есть...» – но тут же приходит к многообещающему выводу: «Значит, будут и в народе» [2, т. 3, с. 386].

Список литературы

1. *Топоров В. Н.* Станный Тургенев : (четыре главы). М. : РГГУ, 1998. 190 с.
2. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т., в 15 кн. М. ; Л. : Изд-во АН СССР : Наука, 1960–1968.
3. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Соч. : в 15 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР : Наука, 1960–1968.
4. *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма : в 6 т. М. : Классика, 2002–2005.
5. *Якобсон Р.* Заумный Тургенев // Якобсон Р. Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. С. 250–253.

А. С. Сваровская (Томск)

Путевые очерки русских учителей: рецепция европейского мира

В 1890–1900 гг. в России ускоряется процесс институционализации экскурсионного дела: в структуре педагогических и туристических обществ появляются отделы и комиссии, специализирующиеся на организации экскурсий. Понятие «экскурсия», входившее тогда в массовое употребление, охватывало самые разные поездки. Их задачи располагались в диапазоне от чисто рекреационных до просветительских. Известен благотворительный фонд графини В. Н. Бобринской, по чьей инициативе предпринимались поездки русской демократической интеллигенции

(главным образом – земских учителей) за границу. Это было продолжением, с одной стороны, традиции образовательных поездок в истории России, с другой – явилось воплощением идеи «свободного путешествия», предполагавшего «живую заинтересованность в повседневной жизни, нравах и институциях» [10, с. 6].

Шесть сборников «Русские учителя за границей» (М., 1910–1915) остались уникальным свидетельством реализации обширного гуманитарного проекта. Помещенные в них тексты представляют собой документальное и эстетически значимое свидетельство огромной работы в сфере гуманитарного экскурсиеведения. Обязательный раздел каждого сборника – «Впечатления участников экскурсий».

Тексты откликов имеют общие черты, обусловленные типом воспринимающего сознания. С одной стороны, это просвещенное сознание, подготовленное к освоению большого объема информации, с другой стороны, первичные впечатления выдают непосредственность эмоциональной реакции, удивление и восторг при виде не представимых для российского сознания природно-географических и культурных реалий.

Почти все путешественники отмечают власть стереотипных представлений о некоторых сторонах чужого бытового уклада и менталитета. В очерке И. Шнеерсона «В Берлине» оппозиция своего и чужого начинается с «чужих полей и деревень». «Но как они чужды родной картине русской деревни, – продолжает автор. – Прекрасно обработанные поля, великолепные дороги, правильно посаженные аллеи деревьев, каменные домики, – как отзывается вся эта картина немецкой провинции сытостью, довольством, основательностью и трудолюбием и как больно при этом вспомнить захудалую нищую русскую деревеньку! Мимолетные впечатления дороги входят к вам в душу, говоря ... о той неизмеримой бездне, которая отделяет только что оставленную родину от культуры страны, которая ушла от нас вперед, быть может, не на одно столетие» [11, с. 190–191].

Другой аспект восприятия – эстетизация природных ландшафтов и исторических памятников, видение в том и другом духа нации: «...преданья Рейна проходят перед нами <...> и переносят нас в другой, волшебный мир. Бесчеловечная суровость Средних веков в них трогательно сочеталась с прочувствованной нежностью немецкой нации <...> Вот, наконец, и Лорелей, сделавшаяся главной достопримечательностью Рейна с тех пор, как в бессмертных стихах Гейне воспел эту обольстительную и коварную фею ... Проезжая мимо, путешественник с замиранием сердца следит, не появится ли на вершине губительная красавица, не мелькнет ли среди серых камней ее золотой гребень, ее золотые волосы...» [6, с. 199–200].

Из почти 90 текстов откликов 26 связаны с природными и культурными впечатлениями от посещения Италии. В лоне именно этих откликов и складываются составляющие будущей русской римлианы, венецианы, неаполитаны.

Лейтмотив многих учительских впечатлений – соотнесение прочитанных текстов, услышанных лекций экскурсоводов и созерцаемых ландшафтов, перевод умозрительного знания в зрительные образы в ходе созерцания эмпирических реалий; увиденная Италия обостряла в сознании подготовленных путешественников соотнесение копии, т. е. предварительно освоенных текстов, и оригинала; особенно это заметно, когда речь заходит о самых частотных топосах: «Вид на Большой Канал и остров S. Corgie Maggiore показался мне до странности знакомым. Действительно, так часто приходилось видеть на картинах и фотографиях силуэт купола и башни на прозрачном небе, что кажется, будто видела все это уже не раз. Впечатление чего-то знакомого усиливалось еще благодаря луне, которая картинно освещала края несущихся облаков» [4, с. 207].

В разных текстах возникают имена «гениев места», становящихся посредниками между прошлым и настоящим, повседневностью и загадками истории. Так, притягательной фигурой итальянской политической истории оказывается неистовый проповедник Савонарола. Культурно-историческая память реконструирует картины прошлого с такой степенью нюансировки, что становится возможным обостренное вопрошание о психологическом феномене личности Савонаролы; историческая эрудиция простирается на знание о сложном отношении Боттичелли к Савонароле, ситуации духовного кризиса в атмосфере Флоренции, когда духовный диктатор Савонарола оказывал магическое воздействие на умы и души флорентийцев.

Итальянские города прочитываются как тексты, аккумулирующие мифы о гениях, сращенные с топосами: «Великая плеяда великих мастеров, художников Божьей милостью, которых нельзя понять у себя на Севере, снова здесь дышит, живет, облекается плотью, говорит своим давно замолкшим голосом. Фра-Беато-Анжелико, Микель-Анджело, Тинторетто, Леонардо, Рафаэль, Карпаччио <...> И эти города, где они творили, откуда шла их слава и слава их великих современников, – они тоже хранят их следы в самом существе своем, в старых своих зданиях, в полуразвалившихся памятниках. <...> “Venezia bella”, говорят венецианцы <...> А эти дворцы старой готики! Casa Petrarca, palazzo Forscari, Casa d’Oro, резные каменные балконы palazzo, где, по преданию, жила

Дездемона...» [8, с. 195–197]. Заключительный пассаж уравнивает в качестве гения места не только великих художников, но и персонажей их текстов, в данном случае словесных; приятие мифов, наделяющих литературных героев статусом подлинной реальности.

Экскурсанты обнаруживают высокую степень культурной эрудиции и внимания, когда воссоздают в памяти недавно увиденное: «Закрыв глаза, я мысленно видела перед собой прекрасное, истинно божественное лицо рафаэлевской Мадонны della Sedia, ее чистый лоб, прозрачную, как тонкий фарфор, кожу, шелковистые каштановые волосы, спускающиеся из-под пестро-зеленого покрывала, дивный овал лица, ее нежную полуулыбку, ее удивительные глаза – кроткие, задумчивые, проникновенные, которые, казалось, меняли выражение, – весь ее святой облик не красавицы женщины, не эллинской богини, а именно Мадонны, небесной идеальной Девы-Матери. Мадонну эту я знала только по копиям, и когда увидела оригинал, до того обрадовалась ему, точно встретила что-то родное, бесконечно дорогое и любимое» [1, с. 223]. Воспоминания по свежим следам становятся своего рода мнемоническим экфрасисом, попыткой вербализовать, закрепить в слове недавно увиденное.

Первичный контакт с подлинниками может привести к переносу центра тяжести с описания изображенного на возникшие ощущения и мысли; оформляя свои впечатления от картин Карпаччо, одна из экскурсанток признается себе: «какие-то невидимые нити сплетали меня с лицами его картин, и лица эти говорили о вечном, ужасном одиночестве человеческой души, о постоянной грусти земной. Везде, везде эта грусть, на всех перепутьях, все источники забвения охватывает она, как неизменный авгур, является она человеку в разгар его творческой работы, на всех путях его. Грусть эта – мысль о том, что все проходит и никогда не возвратится вновь» [3, с. 203–204]. Для автора текста сильна потребность найти в диалоге с картинами ответы на трудные вопросы бытия.

Самый высокий уровень рецепции сопрягает и описание, и импрессионистские пассажи, и своего рода искусствоведческие этюды, как, например, в анонимном тексте второго сборника, самом, пожалуй, тонком и многослойном: «Вот передо мной Венера С. Боттичелли <...>. Венера написана удивительно по-детски просто. Наивное милое личико, спутанные золотистые волосы, больше напоминающие мотки золотого шелка, и вся фигура с гладкими покатыми плечами, простая и целомудренно-нежная. Общий фон примитивен, – какие-то странные, нарисованные полукругами волны, смешная раковина. Но когда стоишь перед этой картиной, то ее простые нежные тона, ее несложная полудетская композиция

так глубоко захватывают душу, так много вдруг раскрывается в ней красоты» [2, с. 233]. Попытка характеристики живописной поэтики Боттичелли не претендует, разумеется, на профессиональный анализ, но остается своего рода искусствоведческим этюдом.

Не менее важны для русских путешественников контакты с простыми итальянцами, участие в спонтанных праздничных ситуациях, когда внимание перемещается на окружающих людей: «На каждом шагу по пути пестреют живописные группы по праздничному разодетых семейств с милыми черноглазыми ребятишками. <...> Внимание ... приковывается к паровой публичке. <...> А она, между тем, делается все живее, все шумливее... Напоминает что-то родное, праздничное – русское... Лица румянее и оживленнее, смех громче и заразительнее... То и дело мелькают в руках стаканчики с темным “кьянти”, раздаются возгласы “vostra saluta!”, “Prego!”... И вдруг раздаются уж совсем родные звуки, – звуки гармоники! На секунду переносишься мысленно на родину, – да вдруг вспоминаешь, что ведь гармоника-то – итальянка по происхождению, но только вполне “русифицированная”!» [7, с. 226–228]. Примечательно, что ситуации взаимной симпатии русских и итальянцев фиксируются чаще всего, когда вспоминаются совместные импровизированные праздники: если в некоторых откликах промелькнет ощущение определенной избыточной для русского слуха и глаза громкости, форсированной театрализации поведения итальянцев, то скоро это впечатление исчезает, остается память о человеческой солидарности.

Фрагменты, связанные с узнаванием другого – дружественного – народа, касаются братства итальянских и русских студентов; дружеские отношения упоминаются и в связи с маленьким римским ресторанчиком, где русские посетители стали постоянными, а итальянские официанты выучили русские слова: «Русские и итальянские слова смешиваются в общий шум...» [5, с. 250]. Встреча двух ментальностей видится как естественное открытие родственности двух народов.

В последнем, шестом, сборнике помещен текст М. Осоргина, который, как известно, был одним из главных организаторов итальянских экскурсий. Текст озаглавлен «Вместо отчета» и прочитывается как итог прерванного мировой войной процесса организации учительских европейских экскурсий. Здесь формулируется идея объединения России и Европы в процессе взаимного узнавания: «Мы работали не только для просвещения русских народных учителей, ... мы работали для европейского мира, для братства народов» [9, с. 17]. Отчет Осоргина оказался и актом сопротивления текста жестокой социальной реальности.

Список литературы

1. *Аноним.* Поездка во Фьезоле // Русские учителя за границей. Год второй / изд. Комис. по организации образовательных экскурсий при учеб. отд. о-ва распространения техн. знаний. М. : [б. и.], 1911. Ч. I. С. 220–227.
2. *Аноним.* Венеция и Флоренция // Русские учителя за границей. Год второй. М., 1911. Ч. I. С. 228–241.
3. *Дмитриева М. И.* Пережитое в Венеции // Русские учителя за границей. Год третий. М., 1912. С. 201–204.
4. *Е. К-ва.* Венеция // Русские учителя за границей. Год третий. М., 1912. С. 204–208.
5. *Евг. П-к.* Поездка в Италию // Русские учителя за границей. Год второй. М., 1911. Ч. I. С. 242–256.
6. *Е. К.* По Рейну // Русские учителя за границей. Год второй. М., 1911. Ч. I. С. 199–200.
7. *Ерофьева М.* Воскресная прогулка по озеру Гарда // Русские учителя за границей. Год третий. М., 1912. С. 222–228.
8. *Масаинов Алексей.* Итальянские впечатления // Русские учителя за границей. Год четвертый. М., 1913. С. 193–199.
9. *Осоргин М.* Вместо отчета // Русские учителя за границей. Год шестой. М., 1915. С. 17–24.
9. *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840 / [пер. с англ. Д. Соловьева]. СПб. : Академический проект, 2004. 271 с. (Современная западная русистика ; т. 51).
10. *Шнеерсон В.* В Берлине // Русские учителя за границей. Год второй. М., 1911. Ч. II. С. 190–212.

Т. И. Подкорытова (Омск)

Прощание с Музой: кризис мусической традиции в поэтологических интенциях Серебряного века

Заявленная тема слишком обширна по своему объему, чтобы уложиться в рамки статьи, здесь лишь конспективно намечены отдельные ее аспекты, каждый из которых может стать (и отчасти уже был) предметом специального анализа. Цель же данной статьи – не столько аналитика конкретного материала, сколько описание избранного методологического